

Ганс Христиан АНДЕРСЕН

ШТОПАЛЬНАЯ ИГЛА

Жила-была штопальная игла; она считала себя такой тонкой, что воображала, будто она швейная иголка.

— Смотрите, смотрите, что вы держите! — сказала она пальцам, когда они вынимали её. — Не уроните меня! Упаду на пол — чего доброго, затеряюсь: я слишком тонка!

— Будто уж! — ответили пальцы и крепко обхватили её за талию.

— Вот видите, я иду с целой свитой! — сказала штопальная игла и потянула за собой длинную нитку, только без узелка.

Пальцы ткнули иглу прямо в кухаркину туфлю — кожа на туфле лопнула, и надо было зашить дыру.

— Фу, какая чёрная работа! — сказала штопальная игла. — Я не выдержу! Я сломаюсь!

И вправду сломалась.

— Ну вот, я же говорила, — сказала она. — Я слишком тонка!

«Теперь она никуда не годится», — подумали пальцы, но им всё-таки пришлось крепко держать её: кухарка накапала на сломанный конец иглы сургуч и потом заколола ею косынку.

— Вот теперь я — брошка! — сказала штопальная игла. — Я знала, что буду в чести: в ком есть толк, из того всегда выйдет что-нибудь путное.

И она засмеялась про себя, — ведь никто не видал, чтобы штопальные иглы смеялись громко, — она сидела в косынке, словно в карете, и поглядывала по сторонам.

— Позвольте спросить: вы из золота? — обратилась она к соседке-булавке. — Вы очень милы, и у вас собственная

головка... Только маленькая! Постарайтесь её отрастить — не всякому ведь достаётся сургучная головка!

При этом штопальная игла так гордо выпрямилась, что вылетела из платка прямо в раковину, куда кухарка как раз выливала помой.

— Отправляюсь в плавание! — сказала штопальная игла. — Только бы мне не затеряться!

Но она затерялась.

— Я слишком тонка, я не создана для этого мира! — сказала она, лёжа в уличной канаве. — Но я знаю себе цену, а это всегда приятно.

И штопальная игла тянулась в струнку, не теряя хорошего расположения духа.

Над ней проплывала всякая всячина: щепки, соломинки, клочки газетной бумаги...

— Ишь, как плывут! — говорила штопальная игла. — Они понятия не имеют о том, кто скрывается тут под ними. Это я тут скрываюсь! Я тут сижу! Вон плывёт щепка: у неё только и мыслей, что о щепках. Ну, щепкой она век и останется! Вот соломинка несётся... Вертится-то, вертится-то как! Не задирай так носа! Смотри, как бы не наткнуться на камень! А вон газетный обрывок плывёт. Давно уж забыть успели, что на нём напечатано, а он гляди как развернулся!.. Я лежу тихо, смиренно. Я знаю себе цену, и этого у меня не отнимут!

Раз возле неё что-то заблестело, и штопальная игла вообразила, что это бриллиант. Это был бутылочный осколок, но он блестел, и штопальная игла заговорила с ним. Она назвала себя брошкой и спросила его:

— Вы, должно быть, бриллиант?

— Да, нечто в этом роде.

И оба думали друг про друга и про самих себя, что они настоящие драгоценности, и говорили между собой о невежественности и надменности света.

— Да, я жила в коробке у одной девицы, — рассказывала штопальная игла. — Девица эта была кухаркой. У неё на каждой руке было по пять пальцев, и вы представить себе не можете, до чего доходило их чванство! А ведь занятие у них было только одно — вынимать меня и класть обратно в коробку!

— А они блестели? — спросил бутылочный осколок.

— Блестели? — отвечала штопальная игла. — Нет, блеску в них не было, зато сколько высокомерия!.. Их было пять братьев, все — урождённые «пальцы»; они всегда стояли в ряд, хоть и были различной величины. Крайний — Толстяк, — впрочем, отстоял от других, он был толстый коротышка, и спина у него гнулась только в одном месте, так что он мог кланяться только раз; зато он говорил, что если его отрубят, то человек не годится больше для военной службы. Второй — Лакомка — тыкал нос всюду: и в сладкое, и в кислое, тыкал и в солнце, и в луну; он не нажимал перо, когда надо было писать. Следующий — Долговязый — смотрел на всех свысока. Четвёртый — Златоперст — носил вокруг пояса золотое кольцо; и, наконец, самый маленький — Пер-музыкант — ничего не делал и очень этим гордился. Да они только и знали, что хвастаться, и вот — я бросилась в раковину.

— А теперь мы сидим и блестим! — сказал бутылочный осколок.

В это время воды в канаве прибыло так, что она хлынула через край и унесла с собой осколок.

— Он продвинулся! — вздохнула штопальная игла. — А я осталась лежать! Я слишком тонка, слишком деликатна, но я горжусь этим, и это благородная гордость!

И она лежала, вытянувшись в струнку, и передумала много дум.

— Я просто готова думать, что родилась от солнечно-го луча,— так я тонка! Право, кажется, будто солнце ищет меня под водой! Ах, я так тонка, что даже отец мой солнце не может меня найти! Не лопни тогда мой глазок (игольное ушко по-датски называется игольным глазком), я бы, кажется, заплакала! Впрочем, нет, плакать неприлично!

Однажды к водосточной канаве прибежали мальчишки и стали выуживать из грязи старые гвозди и медяшки. Скоро они перепачкались с головы до ног, но это-то им больше всего и нравилось.

— Ай! — вскрикнул вдруг один из мальчишек. Он укололся о штопальную иглу.— Гляди-ка, что за штука!

— Я не штука, а барышня! — заявила штопальная игла, но никто не расслышал её писка.

Старую штопальную иглу трудно было и узнать. Сургучная головка отвалилась, и вся игла почернела. А так как в чёрном платье все кажутся ещё тоньше и стройнее, то игла нравилась себе теперь ещё больше прежнего.

— Вот плывёт яичная скорлупа! — закричали мальчишки.

Они поймали скорлупу, воткнули в неё штопальную иглу и бросили в лужу.

«Белое идёт к чёрному,— подумала штопальная игла.— Теперь я стану заметнее, и все будут мной любоваться. Только бы мне не захворать морской болезнью. Я не перенесу её. Я ведь такая хрупкая...»

Но игла не захворала.

«Видно, морская болезнь меня не берёт,— подумала она.— Хорошо иметь стальной желудок и притом никогда не забывать, что ты выше простого смертного. Вот теперь я совсем пришла в себя. Хрупкие создания, оказывается, стойко переносят невзгоды».

— Крак! — сказала яичная скорлупа. Её переехала ломовая телега.

— Ой, как тяжело! — завопила штопальная игла.— Теперь уж я непременно захвораю. Я не выдержу! Не выдержу!

Но она выдержала. Ломовая телега уже давно исчезла из виду, а штопальная игла осталась лежать как ни в чём не бывало на мостовой.

Ну и пусть себе лежит.